

Он приносил с собой нераспроданные остатки ароматных карри, лепешки наан, начиненные миндальной крошкой, печеные пирамидки самоса, пахнущие сельдереем.

телось еще прокричать сквозь слезы, прямо в лицо отцу, разве семья опозорилась не тогда, когда братец пьяным за руль сел и хлопнул себя так, что тело опознали только после медэкспертизы? Однако в последний момент она вдыхала, выдыхала и уходила к себе. К чему со стариками спорить? А злости на их несправедливые упреки («а может, отчасти, справедливые?», грызло у нее в сознании) не накапливалось достаточно, чтобы вылить ее на словах. Отсутствие амбиций – неизбежный спутник мягкотелости, мысленно подытоживала Фей Фей уже у себя в спальне, натягивая наушники и погружаясь в музыку азиатских бой-бендов – единственный источник китайского, который ее не раздражал.

Фей Фей спустилась на нижний этаж, прошла на кухню, насыпала себе в пиалу овсяных хлопьев, залила их молоком и начала неохотно есть. Завтракать рано утром, как и все совы, она не любила, но сделала над собой усилие: неизвестно сколько продлится это собеседование на работу, может быть, ее вообще попросят остаться на целый день. Невольно вспомнился брат, для неких китайцев Эндрю, для своих – Чун Хоу. Он любил вставать рано, шумно собирался в свой музыкальный колледж, хлопал дверями, отчего у них с Фей Фей происходили постоянные стычки. Однажды уставшая просыпаться ни свет ни заря Фей Фей не вытерпела и подлила в корни любимца Эндрю дерева-бонсай перекись водорода. Она думала, что раствор обожжет корневую систему и карликовое дерево зачахнет, а оно, наоборот, вдруг пустило новые листья после долгого периода отсутствия каких-либо признаков роста. Эндрю долго ходил радостный, всем рассказывал,

как его любят растения, и Фей Фей тогда начала думать, как отомстить ему наверняка. А потом он погиб...

«Блин, я же настроилась не думать о нем сегодня!»; Фей Фей тряхнула хвостом длинных, черных, прямых, как бамбуковые стебли, волос. Но не думать об Эндрю на кухне было невозможно: холодильник пестрел выцветшими фотографиями его и сестры. Несмотря на то что со времени его гибели прошло два года, убирать их с глаз долой скорбящие родители, конечно же, не собирались. Кстати, его китайским именем, Чун Хоу, Эндрю никто не называл, кроме родственников в Гонконге. Даже родителям он виделся западным мальчиком, эдаким европейским принцем, призванным свыше к выполнению великой таинственной миссии. Как и его сестра, Эндрю рос тихим кухмистерским ребенком, помогал чистить овощи, лущить креветок, принимать заказы по телефону. Таких, как он и Фей Фей, называли в Великобритании *takeaway kids*: в 1980-е целое поколение детей выросло в ресторанах еды навынос, открытых иммигрантами из Азии. Поначалу мистер Ханг-старший отвечал на звонки, но англичане не понимали его акцента, и на помощь все чаще стал приходиться Эндрю, чей английский нельзя было отличить от речи коренных бледнолицых лондонцев. Мистер Ханг и его супруга отдавали последние деньги на уроки музыки для детей – неперменный символ успешной семьи для китайцев-экспатов. Афина терпеть не могла фортепиано: она с трудом запоминала ноты и завидовала Эндрю, который схватывал музыку на лету. Он все схватывал на лету, даже смерть, подумалось Фей Фей. Может быть, и к лучшему, что такие мысли приходят по утрам. Все эти сказки о том, как родственники погибших стремятся забыть о самом страшном, – это просто чушь. Наоборот, вспомнишь все самое болезненное с утра – и потом уже можно не бояться, что это всплывет где-нибудь в полдень, подкатит к горлу за обедом или, еще хуже, во время разговора с начальством. Пусть сердце сожмется от боли за завтраком, потом к вечеру хоть немного отпустит.

Кстати, об обеде. Наверное, лучше захватить с собой какой-нибудь еды, детский сад – это не супермаркет, где кассир может найти себе пропитание, не отходя, так сказать, от станка. Наверняка другие воспитатели носят с собой какие-нибудь дурацкие сэндвичи с сыром и ветчиной. Фей Фей открыла семейный холодильник: он, как всегда, был забит остатками нераспроданной еды. Тосты из креветок с кунжутом, рис, обжаренный с яйцом, холодные свиные ребрышки – вот закуска победи-

телей. Когда Фей Фей училась в школе, она всегда ела в стороне от остальных детей, на пару с мальчиком-индусом, чьи родители тоже держали небольшой ресторан. Он приносил с собой нераспроданные остатки ароматных карри, лепешки наан, начиненные миндальной крошкой, печеные пирамидки самоса, пахнущие сельдереем. Его и Фей Фей дразнили вонючками, и хотя на обидчиков можно было пожаловаться и хорошенько протащить их по статье о расизме, Фей Фей даже дома об этих нападках никому не рассказывала, пытаясь быть выше них. Потом большинство обидчиков ушли из школы при первой же возможности, сдав экзамены о неполном среднем образовании; Фей Фей и еще кучка ребят остались доучиваться для поступления в университет. Фей Фей хотела стать учительницей математики, ходила на занятия по детской психологии, игровым технологиям, теории образования. Но после гибели брата учиться расхотелось, и так Фей Фей оказалась на бирже труда. Должность кассира была первой, которую ей предложили. В ее супермаркете все остальные кассиры оказались, как и следовало было ожидать на западной окраине Лондона, индусами, поэтому она продолжала ощущать себя чужой. Но потом привыкла и стала ходить на работу даже с радостью, горделиво кивая, когда какой-нибудь нерасторопный англичанин, пугливо извиняясь, просил ее подождать и отбежал от кассы за забытым хлебом или помидорами. Если бы не родители, она была бы готова проработать кассиром до старости лет.

За неделю до описываемого дня мистер Ханг положил перед Фей Фей за ее завтраком (по его представлениям – ранним обедом) смятую распечатку странички из британско-китайской интернет-газеты.

– Вот, посмотри, – сказал он, по-стариковски тыча пальцем в обведенный шариковой ручкой кусок текста, – приглашают на работу воспитателей в детсад. Знание китайского обязательно. Наконец-то эти англичане поняли, что будущее за Азией!

Когда дочь меланхолично продолжила жевать свои овсяные хлопья, даже не ухватившись, как он рассчитывал, за заветный листок, мистер Ханг добавил:

– После этого списывать все на расизм у тебя уже не получится. Под лежачий камень вода не течет.

И ушел на ресторанный кухню, дальше чинить постоянно ломавшуюся фритюрницу. На самом деле Фей Фей самой хотелось поскорее прочитать объявление, так как она не могла поверить, что вдруг в английском детском саду захотят препода-

вателей именно со знанием китайского. Но она сдержалась и взяла листок в руки, только когда отец начал греметь инструментами за дверью. Объявление действительно гласило: «Мультилингвальный детский сад “Новый мир” приглашает воспитателей со знанием мандаринского китайского. Минимальные требования: полное среднее образование, опыт работы с детьми. Успешный кандидат должен будет пройти проверку в Бюро уголовных дел, согласно Закону о работниках, имеющих дело с детьми и уязвимыми взрослыми». Опыт работы с детьми и сертификат из БУДа у Фей Фей уже имелись: поскольку она собиралась поступать в педагогический, ей пришлось волонтерить в местной начальной школе, где все волонтеры автоматически проходили проверку на наличие криминального прошлого. Учителя в школе были либо белые британцы, либо британцы афрокарибского происхождения: выходцы из Азии явно не стремились реализовывать свои карьерные амбиции на неблагодарной ниве школьной педагогики. Но Фей Фей не унывала: математика не знает цвета кожи, повторяла она, прочитав книгу Марго Ли Шеттерли о чернокожих женщинах-математиках, работавших в 1960-х годах в НАСА. Вдохновленная книгой, она провела беспечные две недели, помогая детям младшего школьного возраста решать задачки и учиться читать по слогам. Однажды в школе проводили утро открытых дверей, и те родители, кому не надо было идти на работу, хлынули в классные комнаты почитать вместе со своими детьми. Одна из гостей, белая англичанка, приняла Фей Фей за молодую мать, а когда выяснилось, что к чему, спросила:

– А что, в Гонконге трудно найти работу в школе?

Эндрю тогда еще утешал («да она, наверное, реально хотела проявить свой божественный интерес к чужим культурам!»), но для Фей Фей тот эпизод стал первой каплей.

Фей Фей утрамбовала половину нераспроданного риса со свиной в пластиковый контейнер и уложила свой обед с привычной методичностью в маленькую термосумку. Выходить было еще рано, и она снова замерла в задумчивости. Может быть, не надо было принимать бездумно брошенную фразу какой-то мамы близко к сердцу? Мало ли что люди могут брякнуть, иной раз даже, как заметил Эндрю, из добрых побуждений. Но была же и вторая капля. Когда Фей Фей пришла в педагогический на день открытых дверей, молодой человек, стоявший перед ней в очереди за буклетами, обернулся, по-

смотрел на нее пристально и спросил, с типичной для выпускника частной школы идеальной дикцией:

– Погодите минуточку, дайте угадаю... Вы поступаете на курс учителей математики.

Когда Фей Фей, смутившись, ничего не ответила, он пригнулся к ее миниатюрной фигуре и притворным полусшепотом зататораторил дальше:

– Ну и слава богу, Британии как нации уже никак не обойтись без помощи Китая, особенно в математике. Сам я в школе, кроме Шекспира и Баха, ничего не мог запомнить. Но нельзя же стране выехать на одной музыке. Вот спросите меня, сколько будет шесть на семь – ни за что не сообщу. Ну, мне пора! Кончивая!

И он ушел, хлопывая по ляжке буклетами, уверенный в собственной непревзойденности. Впрочем, были в человеческой массе и нормальные люди. Пожалуй, их было даже большинство. Но эффект, производимый отдельно взятыми субъектами, имел обидную силу незаживающего пореза. После второй капли Фей Фей расхотелось преподавать математику. После смерти Эндрю, к счастью (неужели ей в самом деле так подумалось?), можно было уже ничего не объяснять, а просто забрать документы из педагогического.

Пора бежать. Вернее, бежать было не обязательно: автобусы в центр Лондона ходили по Uxbridge Road бесперебойно, с интервалом не более пяти минут, и в это раннее время пробки случались редко. Однако, выйдя из дома, Фей Фей уже не могла идти спокойно: сказывались годы беготни вприпрыжку за юркой миссис Ханг на уроки музыки и на занятия китайским по субботам. Даже когда Фей Фей уже начала ходить в среднюю школу самостоятельно (правда, чаще всего в сопровождении брата), на внешкольные занятия мать отказывалась отпускать ее одну. Она и в Теско была бы не прочь ее провожать, но Фей Фей убедила мать, что прямой автобус от дома до места работы является сравнительно безопасным способом передвижения – даже в Лондоне, даже при растущей с каждым годом поножовщине среди бела дня. О вождении машины она – по понятным причинам – не заикалась.

Автобус подъехал сразу: приятное совпадение, которое Фей Фей сразу расценила как добрую примету. Миссис Ханг, кладезь древних восточных суеверий, раздражала дочь постоянными присказками по поводу несчастливой цифры «4» и мандаринов, приносящих богатство; Фей Фей не верила в эти «бредни», но переняла манеру матери видеть в мелочах тайный смысл, особенно когда будущее

нервировало ее своей неизвестностью. Поднявшись в автобусе на второй этаж, она с удовлетворением села на свое любимое место – на передний ряд, как на нос корабля. Улица виделась с этой верхотуры далекой массой тротуаров, витрин и уже спешащих там и сям людей – за всем этим можно было теперь спокойно наблюдать, мерно покачиваясь вместе с автобусом. Часть маршрута до детского сада, где проводилось собеседование, совпадала с дорогой, которую Фей Фей проделывала каждый день – на том же автобусе – по пути на работу в Теско. По обеим сторонам автобусного лобового стекла мелькала привычная смесь польских продуктовых магазинов, халяльных мясных лавок, английских букмекерских, еще закрытых в этот ранний час, аптек с выпирающими над ними зелеными крестами, зарешеченных даже в часы работы ломбардов и, конечно, супермаркетов всех размеров и мастей. Было бы, конечно, неплохо подняться над всем этим морально и социально, получив работу в сфере образования, подумалось Фей Фей. «Не смогут же они на меня косо посмотреть в этот раз, когда они сами написали, что им требуются носители китайского языка. Будет смешно, если на этот раз им не понравится, что я недостаточно хорошо знаю язык моих родителей. Впрочем, кто там сможет проверить? Не пригласят же они на собеседование со мной какого-нибудь коренного жителя Китая?»

Фей Фей заранее проверила профили сотрудников на сайте детсада. Про воспитателей там ничего не было написано, а вот про владельцев нашлось немного. Основала детский сад «Новый мир» еще в середине 1990-х годов английская семейная пара Джун и Ларри Томпсон; в 2012 году они ушли на пенсию, и главным менеджером детсада стала их единственная дочь Тиффани. В том же 2012 году сад перешел на метод Марии Монтессори, названный в честь создательницы известной программы раннего детского развития. Про метод Монтессори Фей Фей знала из занятий по психологии. Их преподаватель прозвал его «учением о застегивании пуговиц». Мария Монтессори, итальянка, скончавшаяся в 1950 году, верила, что главная задача детского сада – обучить ребенка самостоятельности в повседневных вещах – так, чтобы ребенок ощутил себя полноценной личностью. Отсюда в методике Монтессори шел акцент не на чтение и счет, а на практические занятия, типа мытья настоящей посуды настоящим мылом, забивание гвоздиков, открывание и закрывание баночек и коробочек, игру с заклепками, шнурками, молниями и, конечно же, пуговицами, пришитыми на одежду, растянутую на специ-

Фей Фей взяла одну
игрушку – куколку
с желтыми волосами
из ниток и глазками-
бусинками – и надела
ее на палец. Сразу
захотелось этим пальцем
подвигать, заставить
куклу согнуться,
повертеться, поплясать,
но в эту минуту вошла
другая воспитательница.

альных рамках. Наиболее шокирующим элементом метода Монтессори была для Фей Фей игра с грязью, призванная разнообразить детский сенсорный опыт. Когда пластилин и песок надоел, гласила методика Монтессори, дайте ребенку покопаться в настоящей земле, смешать ее самостоятельно с водой, с тем, чтобы малыш понял причинно-следственную связь сухое + вода = мокрое и липкое. Когда Фей Фей узнала об этой игре, ей сразу представилась реакция ее матери на подобные сенсорные эксперименты – крик, подзатыльник и строгий запрет трогать землю руками. Впрочем, удивляться не приходилось: многое, что еще недавно считалось вредным, ученые начали объявлять полезным, и наоборот, например, стало запретным плодом загорание на солнце без защитного крема – процесс, которым миссис Ханг продолжала наслаждаться жаркими летними днями у себя в палисаднике.

Автобус миновал Теско, в котором еще номинально работала Фей Фей (она не стала никому говорить на работе, что идет на собеседование, просто взяла отгул), и поехал дальше в сторону центра. Скоро, помимо лавчонок и магазинчиков этнических меньшинств (Фей Фей всегда коробила эта формулировка, даже когда ее собственная принадлежность к «этническому меньшинству» гарантировала ей участие во всяких социальных опросах), начали попадаться пабы с традиционны-

ми английскими названиями типа «Принцесса Виктория» и «Бегущая лошадь» – знак приближения к черте оседлости английского среднего класса. По обеим сторонам дороги теперь тянулись сплошные, так называемые террасные, особняки, поделенные на квартирки, ибо даже английский средний класс не всегда мог позволить себе все четыре этажа и подвальный уровень – классическая викторианская планировка. Наконец на табло высветилась нужная остановка – St Luke's Church – Церковь святого Луки. По телефону Фей Фей сказали, что детсад располагался сразу за церковью, но она не сразу сообразила, что остроугольное сооружение из красного кирпича с металлической балкой, рассекающей здание посередине, могло быть объектом религиозного культа. Однако яркая голубая табличка на стене уверяла, что это здание, более похожее на крематорий, чем на храм, принадлежит англиканской епархии Западного Лондона. Фей Фей обошла церковь вдоль ее высоких глухих стен (как туда вообще свет попадает, подумалось ей) и сразу поняла, что не ошиблась адресом: из-за решетчатого забора, завешенного для безопасности зеленой маскировочной сеткой, доносился детский гам и громкие (но не злые) окрики воспитателей. Фей Фей немного помедлила – она пришла на полчаса раньше, чем нужно, – но, увидев направленную на нее камеру наблюдения, решила нажать на кнопку звонка.

Приветливая девушка-воспитатель с легким испанским акцентом провела Фей Фей в офис менеджера. – Подождите, пожалуйста, здесь, мисс Тиффани скоро подойдет, она проводит занятие в старшей группе.

И она оставила Фей Фей в крохотной комнатке, одну стену которой занимал календарь-планировщик на весь год, а другую – детские художества в виде листов бумаги с пятнами краски и наклеенными на них помпончиками, конфетти и разной другой развивающей детское воображение мишурой. Сквозь открытое по случаю теплой сентябрьской погоды окно виднелась асимметричная крыша Церкви святого Луки. На столе, три четверти которого занимали компьютер и принтер, стояла коробка, доверху заполненная пальчиковыми игрушками – миниатюрными вязаными лисичками, зайчиками, мышками, фетровыми слонятами и поросятами, героями сказок и просто человечками. Фей Фей взяла одну игрушку – куколку с желтыми волосами из ниток и глазками-бусинками – и надела ее на палец. Сразу захотелось этим пальцем подвигать, заставить куклу согнуться, повер-

теться, поплясать, но в эту минуту вошла другая воспитательница. Фей Фей почему-то испугалась и спрятала куклу в кулаке. Вошедшая девушка ничего ей не сказала, даже не улыбнулась, а быстро отксерила какую-то картинку и вышла. Стерва, подумала Фей Фей, стянула куклу с пальца и положила ее обратно в коробку. Через несколько минут в офис вошла высокая, полноватая блондинка в очках, пиджаке и брюках-стретч и энергично протянула руку Фей Фей.

– Доброе утро, доброе утро, – защебетала она с несколько приторной нотой, как это часто делают люди, работающие с детьми и не всегда успевающие переключиться на взрослую манеру разговора. – Вы, должно быть, Фей Фей? Я правильно выговариваю ваше имя? А что оно значит? «То, как ты его произнесла, означает “бабуин”, но если произнести его нормально, оно означает “прекрасная”», – подумалось Фей Фей.

– Оно означает «красивая», – проговорила она в итоге. И заставила себя посмотреть Тиффани в глаза и улыбнуться.

– Как это мило, – продолжала щебетать Тиффани, но уже немного менее приторно, постепенно возвращаясь в роль офисного работника. – Меня зовут Тиффани, здесь все зовут меня мисс Тиффани, а если вы будете у нас работать, вас будут звать мисс Фей Фей: имена детям все-таки легче выговаривать, чем фамилии. Хотя, конечно, сейчас в Англии у детей бывают такие имена, что даже я не сразу с ними справляюсь. У нас есть мальчик из бенгальской семьи, его зовут Чандрадхара, что по-бенгальски означает «звезда», но мы с его родителями условились, что в школе его будут звать Чарли. Ха-ха!

Далее последовали неизбежные вопросы из ряда «Расскажите немного о себе» и «Почему, по вашему мнению, из вас получится хороший воспитатель детского сада». Фей Фей они напоминали колющий репейник, сквозь который приходилось грациозно продираться: не из врожденной способности расхваливать себя, а из-за боязни проколоться и неловко сморщиться, как воздушный шарик. Ей пришлось рассказать о своем волонтерстве в начальной школе, вспомнить пару примеров занятий, которые она лично провела с детьми. В памяти всплыли замки из втулок от туалетной бумаги и цветы из одноразовых картонных тарелок. В середину тарелки, выкрашенной в желтый цвет, приклеивалась белая бумажная капсула для капкейков – и получался традиционный вестник английской весны, нарцисс.

– Ой-ой! – Тиффани замахала с притворным ужасом руками. – Можете забыть про эти вечные втулки, аппликации, бесконечное копание в пластилине! Наши дети учатся жить в настоящем, а не придуманном мире. Куда полезнее вместо пластилина копаться в настоящем тесте, наполняя им настоящие формочки для кексов. Вот и китайский мы решили добавить в нашу программу потому, что в настоящем мире без китайского скоро уже будет куда не деться. Это я говорю как комплимент великой и трудолюбивой китайской нации! – поспешила добавить она и улыбнулась обоими рядами длинных белых зубов.

Фей Фей заставила себя улыбнуться в ответ («эти обнаженные зубы мне неплохо даются», пронеслось у нее в голове). Поймав ожидаемую улыбку, Тиффани продолжила:

– Главной причиной, по которой мы хотим ввести китайский для наших малышей, является, конечно, быстрый рост числа носителей китайского языка среди наших клиентов. В основном это успешные китайские бизнесмены, осевшие в Лондоне. Они мечтают, чтобы их дети овладели их родным языком.

Фей Фей стало немного страшно. По-китайски она, по мнению ее родителей, говорила с английским акцентом, читать традиционные иероглифы могла лишь отчасти – разве что похвастаться безупречным знанием китайского меню перед этими успешными бизнесменами?

– Мои родители из Гонконга, – сказала она, притворяясь немного оскорбленной. – В нашей семье мы говорим на путунхуа, или, как его принято называть здесь (и она чуть не сделала небрежный жест рукой в сторону окна), – мандаринском китайском.

– Вот-вот, как раз то, что нам нужно – мандаринский! – обрадовалась Тиффани, успевшая на секунду округлить глаза при упоминании незнакомого ей путунхуа. – Знаете ли вы детские песни на мандаринском? Типа английской колыбельной про звездочку?

К счастью, именно китайский перевод английской колыбельной про звездочку Фей Фей и запомнила, еще со времен субботней китайской школы, но не стала сознаваться в скудности своего репертуара, переведя разговор на китайскую каллиграфию. Тиффани осталась в восторге. В конце недели, не найдя, наверное, большого количества желающих менять подгузники и вытирать сопливые носы с перерывом на китайские песни, она позвонила Фей Фей и поздравила ее с новой работой.

нибудь в Гонконге и женится на китайке. И будут у него дети – граждане мира, генетический калейдоскоп. Как и полагается, собственно, в двадцать первом веке. Замечтавшись, Фей Фей чуть не пропустила свою автобусную остановку.

– Доброе утро, – сказала она, входя в классную комнату, неестественно тихую в этот ранний час.

Игрушки аккуратно покоились на полках, на полу ничего не валялось. Фей Фей не раз ловила себя на мысли, что сад ей нравился больше всего, когда в нем не было шумной оравы детей.

Франческа сидела, как обычно, на детском стульчике (и как она на нем помещается?) у стола посередине комнаты и что-то внимательно разглядывала на своем планшете. На приветствие Фей Фей она не ответила, но в ее ушах были наушники, и на этот раз Фей Фей обижаться не стала. Хотя вообще-то манера француженки пренебрегать простыми правилами вежливости раздражала. Китайцы тоже не особо улыбчивый народ, друг перед другом не расшаркиваются, но за годы подражания англичанам Фей Фей уже привыкла говорить всем при встрече неизменное «хау а ю» и улыбаться. Особенно широкой улыбкой она приветствовала Тиффани, а узнав о том, что у Тиффани есть обожаемая собака-нюфаундленд, Фей Фей стала осведомляться и том, как поживает ее «малютка». Франческу все эти тонкости этикета и кадровой политики не интересовали. Она никому не улыбалась, в учительской гардеробной, не стесняясь, раздевалась до белья, облачаясь после работы в пестрые лосины и майки, потом убегала, не попрощавшись, на занятия хупингом. Она подружилась с воспитательницами-испанками, потому что в детстве жила в Испании: как удалось узнать Фей Фей, у Франчески обнаружился бойфренд-диджей, родом из Голландии, и Франческа периодически ездила на его рейвы в разные города Европы. Каким образом эту «обкуренную» француженку занесло в английский детский сад, Фей Фей понять не могла. Но Тиффани неоднократно воспевала успех Франчески и ее номеров с обручами на днях открытых дверей («Франческа – главный хит “Нового мира”», – восклицала она), и Фей Фей оставалось только хлопать вместе со всеми.

В восемь часов утра все собрались на утреннюю летучку. Летучки проходили в комнате для старших детей перед старым пианино, на котором раз в неделю мать Тиффани миссис Томпсон проводила для своих бывших подопечных уроки музыки. Фей Фей пыталась на нем играть, но не смогла, к своей огромной досаде: слишком много времени прошло

с ее занятий фортепиано. Она подумывала возобновить уроки, но пока не решалась, боясь спровоцировать оханья родителей об утраченном виртуозе Эндрю.

– Всем доброго понедельника! – поприветствовала свою команду из восьми воспитательниц Тиффани.

Девушки расположились кто на чем: большинство на круглом, в виде голубого с зеленым зеленого шара, паласе, Франческа осталась на своем стульчике. Фей Фей решила было постоять, облокотившись на подоконник (места на паласе не хватало), но ей не хотелось смотреть на Тиффани сверху вниз, и в итоге она уселась рядом с остальными на маленькую табуретку в форме грибочка.

Тиффани продолжила летучку обычным объявлением количества детей, ожидаемых в тот день; было несколько заболевших, поэтому одну из воспитательниц старшей группы решили «перекинуть» в младшую, где всегда находилось чем помочь: одни подгузники и бесконечные переодевания описавшихся детей в сухую одежду могли занять одного из воспитателей на целый день. Фей Фей вела занятия китайским в обеих группах, но была прикреплена к младшей. Помимо собственно занятий китайским, она помогала там другим воспитательницам, сопровождала индивидуальные игры по методу Монтессори, подавала завтрак и обеды. С Франческой она пересекалась один раз в день, когда та приходила к малышам проводить урок французского после их дневного сна.

Дальше все было как в тумане, похожем на тот, который застилал в то холодное ноябрьское утро лондонские улицы. Фей Фей, как обычно, провела свой урок в небольшом закутке за стеллажами. Зейн и его друзья послушно подпели китайским песенкам, посчитали на китайском до десяти, поиграли в игрушечную кухню. Фей Фей всегда возмущали разговоры о необходимости обучения детей домашним делам, особенно в области кухни: польза от этих занятий, по ее мнению, была сомнительная. Фей Фей считала (но, конечно, не признавалась в этом Тиффани), что домашние дела настигнут человека рано или поздно, так почему же к ним надо привыкать, когда в этом нет жизненной необходимости? Малыши не подозревали о ее наболевших фобиях и продолжали увлеченно мешать сухие макароны в миниатюрных кастрюльках и приправлять ракушки, разложенные по тарелкам, пластмассовыми овощами.

После урока Фей Фей отпустила детей в свободное плавание по классной комнате. До второго завтрака оставалось десять минут. Вернулись в ком-

«Правила должны быть одинаковыми для всех, другим детям тоже запрещено разгуливать в масках, когда им этого хочется!» – воскликнула она и повела оторопевшего от слова «нет» Александра в «младшую» комнату разбираться.

нату с улицы те малыши, чья очередь была играть утром на свежем воздухе. Стало шумно. Воспитательницы, которых, помимо Фей Фей, оставалось в комнате три (одна англичанка, помощница менеджера, и две испанки), с трудом успевали следить за норовящими ударить, толкнуть, укусить – обычный утренний зоопарк. В комнату вошла Франческа, ведя за руку орущего мальчика из старшей группы. В общем гапе их никто не заметил, кроме Фей Фей, и потом, в их появлении не было ничего особенного: старших детей часто приводили в «младшую» комнату для разговора или просто так, превентивно, чтобы переключить их расшалившийся мозг сменой обстановки. Франческа присела на корточки поговорить с раскрасневшимся мальчиком, который к тому моменту уже почти не стоял на ногах, а упираясь, висел на ее руке. Александр (не Саша, родители настаивали на том, чтобы его звали полным именем) был сыном богатого английского бизнесмена и красавицы украинки. Его капризы уже никого не удивляли, да и сам Александр начал понемногу менять свое поведение к лучшему, осознав, что в детсаду, в отличие от его дома, он далеко не пуп земли. Но в то утро ситуация немного вышла из-под контроля. Александр отказался снять маску Человека-паука, так полюбившуюся ему за время празднования Хеллоуина. Франческа, на чьем уроке Александр должен был присутствовать после завтрака, взялась отобрать эту маску у мальчика. «Правила должны быть одинаковыми для всех, другим детям тоже запрещено разгуливать в масках, когда им

этого хочется!» – воскликнула она и повела оторопевшего от слова «нет» Александра в «младшую» комнату разбираться. Разобраться в общем шуме у нее не получилось, и она вывела Александра в коридор, а оттуда в туалет, отделенный от коридора маятниковыми дверьми, висевшими над полом на уровне колен. Фей Фей в это время проходила по коридору на кухню и хорошо слышала, как Франческа урезонивала малыша. Не повышая голоса, француженка рассказывала ему о том, как другие малыши обижаются и пугаются, если их друг вдруг начинает ходить в маске, да еще такой страшной, с прорезями для глаз и дыркой для рта. «Ведь они не знают, что это Саша, не видят ни его глазок, ни его кудряшек!» – приговаривала Франческа. «Вот коза, – подумалось Фей Фей, – а сама потом рассуждает о том, какой этот Александр гадкий, избалованный ребенок». Она вернулась в класс, оставив Александра наедине с француженкой.

Наедине! Вдруг Фей Фей осенило. Сейчас или никогда! Это был ее единственный шанс снова стать гордостью Тиффани – вторым помощником менеджера, главным рекламным пунктом детсада «Новый мир». Никаких больше шоу с обручами: только умиротворяющие уроки китайского, наиболее пространенного языка в мире. Отпросившись в туалет у старшей по комнате, она постучалась в офис к Тиффани. Франчески и Александра уже не было в туалете: мальчик, по-видимому, успел успокоиться и вернуться в класс. Но все равно, с детьми нельзя оставаться наедине, это правило знает каждый учитель. Войдя в роль обеспокоенной коллеги, Фей Фей шагнула в офис и плотно закрыла за собой дверь.

Разговор с Тиффани не занял у нее и пяти минут. Ей понадобилось лишь произнести слова «защита прав ребенка» и «что подумают о нас в УПСО?» (Управление по стандартам образования, Ofsted), как Тиффани побледнела и пошла звать свою помощницу для консилиума. Вдвоем они подробно расспросили Фей Фей о том, что именно она видела; Фей Фей с видимым сожалением рассказала, что Александр упирался, не хотел никуда идти и что Франческа буквально выволокла его в туалет. Кричала ли она на него? Нет, не кричала. Говорила ли она ему слова, унижающие достоинство ребенка? Нет, не говорила. А где сейчас Александр? Втроем они вышли из офиса и подошли к двери в «старшую» комнату. Через окошки в дверях было видно, как Александр спокойно играл на ковре с другими детьми. Следов стресса на его недавно залитом слезами лице не было видно.

– Но вдруг он пожалуется матери о том, как мисс Франческа отвела его в туалет? – заметила Фей Фей.

Тиффани посмотрела на помощницу.

– А что если кто-то из воспитательниц напишет анонимный донос? – заметила та, глядя в упор на Фей Фей.

Фей Фей потупила глаза и прошептала:

– Я даже не знаю, что сказать, я за детсад волнуюсь, а вы...

– Ну ладно, ладно, – поспешила заглядывать углы Тиффани, – здесь, к сожалению, ничего не поделаешь, придется Франческу отстранить от должности незамедлительно, так гласят правила УПСО. Фей Фей, вы можете вернуться в класс. Эмили, попросите Франческу зайти ко мне в офис.

Через десять минут Фей Фей видела, как заплаканная Франческа прошла через «младшую» комнату в учительскую раздевалку, вышла оттуда в пальто и со своими вещами и, не попрощавшись ни с кем, покинула детсад, как Фей Фей и рассчитывала, навсегда. С правилами обращения с детьми в образовательных учреждениях не шутят. На следующий день на планерке Тиффани напомнила о важности этих правил, особенно о запрете насильно вести детей за руку куда-либо, если только речь не идет о жизни и смерти, как, например, во время прогулки вдоль проезжей части. Несколько воспитательниц попытались заступиться за Франческу, начали вспоминать, как дети любили ее уроки и как быстро успокаивались после бесед с ней, но Тиффани прервала их на полуслове и строжайше запретила какие-либо увещательные разговоры с детьми в туалете, даже если двери там не достают до пола и разговоры за ними не подходят под категорию «наедине». Строго говоря, не подходят, а в УПСО не будут разбираться про строго и не строго: просто придут с инспекцией, а зачем нам это нужно, рассуждала потом Тиффани в разговоре с матерью. «Ты все правильно сделала, дорогая, – успокаивала ее миссис Томпсон. – От этих французов всего можно ожидать. И потом я слышала, что в детсадах сейчас растет мода на арабский язык. Попробуй найти кого-нибудь преподавать малышам арабский на несколько часов – от клиентов не будет отбоя».

А Фей Фей в тот вечер гордо рассказывала родителям о том, как ее вот-вот сделают помощницей менеджера, а там и до старшей воспитательницы – рукой подать. В тот же вечер, засыпая, она вдруг вспомнила о брате – в первый раз за день – и ужаснулась, а потом стыдливо обрадовалась: значило ли это, что его призрак отпущал (или покидал?) ее?

Она не знала, радоваться ли этой свободе или жалеть о том, что брат начал уходить в прошлое. Радоваться, решила она в итоге: давно пора уже было перевернуть страницу. Нельзя же все время жить в чьей-то тени.

В декабре того года «Новый мир» стал первым детсадом на западе Лондона с уроками на арабском языке. Новая учительница, мисс Амна, родом из Саудовской Аравии, выиграла лондонский конкурс на звание лучшего учителя иностранных языков, и уже в январе ее назначили старшей воспитательницей в комнате для малышей. Фей Фей, не выдержав конкуренции с энергичной арабкой, вернулась работать обратно в Теско. О Франческе ничего не было известно, но спустя несколько лет Тиффани совершенно неожиданно увидела ее сидящей с сигаретой в зубах за столиком шумного кафе в центре Амстердама. На Франческе были все те же пестрые лосины, но от бело-черных волос не осталось и следа: на их месте красовались голубые войлочные дреды, усыянные бусинами.

